

Приграничное сотрудничество Российской Федерации и Республики Беларусь: проблемы развития в новых экономических и политических условиях

Межевич А. Н.^{1, 2, *}, Ситов И. П.^{1, 3}

¹Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация

²Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Санкт-Петербург, Российская Федерация; *ya@amezhevich.ru

³Институт Европы РАН, Москва, Российская Федерация

РЕФЕРАТ

Новыми условиями авторы считают экономическую и политическую ситуацию, сложившуюся вокруг России и Беларуси в 2022–2023 гг., а также ее влияние на отношения внутри Союза государства России и Белоруссии. Пограничье как территория, прилегающая к другим государствам, неизбежно вовлечено в международную торговлю и кооперацию, однако роль его может быть как контактной, так и барьерной, а развитие как динамичным, так и переходящим в депрессивное состояние. В статье охарактеризованы факторы глобальных процессов, влияющие на приграничье и его особенности на территории Российской Федерации и обосновано использование теории «центр — периферия» для дальнейшего анализа приграничного пространства между Россией и Беларуссией. Два государства обязаны выстроить систему приграничного взаимодействия. Эта система должна быть частью системы надгосударственного управления, построенного для решения проблем двух суверенных государств. Приграничное сотрудничество — не только управленческий, но и экономический ресурс, который позволит углубить союзную интеграцию.

Ключевые слова: центр — периферия, российское пограничье, приграничное сотрудничество, границы, Союзное государство, Россия, Беларусь

Для цитирования: Межевич А. Н., Ситов И. П. Приграничное сотрудничество Российской Федерации и Республики Беларусь: проблемы развития в новых экономических и политических условиях // Управленческое консультирование. 2023. № 6. С. 137–144.

Cross-Border Cooperation between the Russian Federation and the Republic of Belarus: Development Problems in New Economic and Political Conditions

Alexey N. Mezhevich^{1, 2, *}, Igor P. Sytov^{1, 3}

¹St. Petersburg State University of Economics, St. Petersburg, Russian Federation

²St. Petersburg Polytechnic University of Peter the Great, St. Petersburg, Russian Federation; *ya@amezhevich.ru

³Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

ABSTRACT

The authors consider the economic and political situation around Russia and Belarus in 2022–2023 as new conditions, as well as its influence on relations within the Union State of Russia and Belarus. Border area as a territory adjacent to other states is inevitably involved in international trade and cooperation, but its role can be both contact and barrier, and development is both dynamic and becoming depressed. The article describes the factors of global processes affecting the border and its features on the territory of the Russian Federation and justifies the use of the theory of “center — periphery” for further analysis of the border space between Russia and Belarus. The two states are obliged to build a system of border interaction. This system should be part of a system of supranational governance built to solve the problems of two sovereign

states. Cross-border cooperation is not only a managerial, but also an economic resource that will deepen union integration.

Keywords: Core — periphery Model, Russian border area, cross-border cooperation, borders, Union State of Russia and Belarus

For citing: Mezhevich A. N., Sitov I. P. Cross-border Cooperation between the Russian Federation and the Republic of Belarus: Development Problems in New Economic and Political Conditions // Administrative Consulting. 2023. N 6. P. 137–144.

Введение

Исследования государства — задача правоведения. Однако государство как политический и экономический организм четко атрибутировано [6]. Нас интересует один государственный институт — граница. Как теоретическая категория и объект исследований предполагает обязательность наличия границы. Формальный статус государственной границы с точки зрения правовой теории неизменен. Однако «современные концепции территориальной государственности опираются на устоявшиеся политические модели, а правительственные решения — на вновь создаваемую историческую генеалогию (даже если она является фиктивной) для обоснования территориальных претензий.

Границы многомерны и эластичны, а значит — они могут быть смещены или расширены с течением времени» [4, с. 5]. Однако такой подход наиболее близок международникам, для которых очень важен факт географического прохождения границы и менее значимо ее экономическое измерение и управленческая специфика.

Разнообразные концепции глобализации именно для границ обозначили одну тенденцию — размывание неформального статуса границы. Эта тенденция была спрогнозирована если не как «вечная», то как работающая на долгосрочную перспективу. Экономическая, т. е., по сути, контактная функция границы действительно стала символом развертывающейся глобализации. Процесс повышения экономической роли границ в Европе был характерен с периода 80-х гг. прошлого века и по начало 20-х гг. XXI в.

Цель исследования — определить, как влияет новый этап общественного развития на экономические и управленческие отношения в российско-белорусском пограничье.

В соответствии с поставленной целью уточним несколько принципиальных моментов в рамках парадигмы «глобализация — регионализация». Глобализация — это не просто сближение, интеграция экономик отдельных стран, в рамках этой парадигмы развития общества происходит изменение качественных характеристик этих экономик и из относительно замкнутых систем они превращаются в элементы единого мирового хозяйства. «Под глобальной экономикой мы понимаем такую, которая в реальном времени работает как единое целое в мировом пространстве, все равно, касается ли это капитала, менеджмента, труда, технологии, информации или рынков» [10, с. 3]. Для приграничного сотрудничества эта модель глобализации дала фазу расцвета, углубление контактной функции границы, при подавлении барьерной. Кризис глобализации означает и то, что меняется международное разделение труда, распадаются хозяйственные связи. Этот процесс имеет особый эффект на границах. Модель приграничного сотрудничества для России и Беларуси, сложившаяся в эпоху глобализации и давшая двум странам определенные преимущества, после утраты глобализационных эффектов существенно изменилась.

Процессы трансграничного сотрудничества никогда не были линейным и были связаны с опасностью утраты целостности внутреннего экономического пространства. Эта проблема не только исследовательского и экспертного характера, но

и серьезная угроза системе управления национальных государств — России и Беларуси и Союзного государства в целом.

Распад СССР, а также новая геополитическая ситуация в мире существенным образом отразились на роли и месте субъектов Российской Федерации в экономической, социальной, экологической, внутренней и международной политике. После распада СССР «общая протяженность государственных границ Российской Федерации составила порядка 61 тысячи километров, из которых около 39 тысяч километров приходится на морские границы» [7]. Республика Беларусь, ранее граничащая только с одним государством, оказалась граничащей с пятью странами, чего в истории белорусского народа никогда не было.

Вопрос об оценке процессов регионального развития в парадигме «центр-периферия», это не тривиальная задача. Сошлемся на позицию авторитетнейшего эксперта: «Тенденции регионализации и интеграции, — указывал академик РАН А. Г. Гранберг, — конечно, противоречивы. Не исключено вырождение регионализации в региональный сепаратизм, разрушающий смысл реформы как общероссийской. Но и чрезмерная централизация управления реформой, ее унификация не менее губительны» [2, с. 17]. Следует подчеркнуть и конкретизировать ключевой тезис академика. В начале 90-х гг. прошлого века он действительно говорил о сепаратизме как сильнейшей проблеме, стоящей перед Российской Федерацией и в несколько меньшей степени уделял внимание вызовам внешнеэкономических связей на региональном уровне. Однако и в том и в другом случае А. Г. Гранберг прежде всего подчеркивал управленческий аспект проблемы, указывая на формирование экономической зависимости и подчинения Союзного Центра республиканской периферии. В этом контексте уместно вспомнить то, что А. Г. Гранберг это еще и советский и российский политический деятель, внесший большой вклад в повышение управленческой эффективности на рубеже 80–90-х гг. прошлого века.

Модели «межтерриториальных балансов ввоза вывоза» убедительно доказали то, что условные границы между советскими союзными республиками имеют вполне очевидный барьерный экономический статус. Разумеется, об этом в Советском Союзе практически никто из ученых не писал, да и политики не говорили. Сегодня более масштабной угрозой является не внутренний сепаратизм, а процесс неконтролируемого разрушения внешних связей, и вот этот переход от относительной внешнеэкономической закрытости (1917–1991) к относительной внешнеэкономической открытости (1922–2022) является важным фактором, актуализирующим современные подходы к модели «центр — периферия» в современных российских условиях.

Рассмотрим вопрос о теоретическом осмыслении приграничного сотрудничества в экономике и политике. Какая экономическая теория в наибольшей степени адекватна данному объекту исследования?

В современном мире приграничные территории характеризуются наиболее высокой динамикой, поскольку занимают ключевое место в трансграничном движении товаров и населения, международном сотрудничестве в сфере экологии, освоения природных ресурсов и транспорта.

В настоящее время транспортная и социальная инфраструктура приграничных районов России и Беларуси не соответствует как национальным целям развития РФ, так и стратегическим задачам государственного управления в Белоруссии.

Синергия приграничных регионов Союзного государства

Постановка указанной задачи основана на объективно существующей ситуации в приграничных областях и районах. Псковская, Смоленская, Брянская области признаются абсолютным большинством экспертов депрессивными, отстающими

от среднего уровня по европейской части России. При этом Витебская, Могилевская, Гомельская области также уступают по уровню и качеству жизни Минской, Брестской и Гродненской областям. При этом административные районы, непосредственно выходящие к линии границы, уступают по всем социально-экономическим показателям среднему уровню по областям. Таким образом, имеется феномен «двойной периферии». Граничат между собой депрессивные районы не самых развитых областей. Причем ситуация в приграничных районах, угрожающая интересам национальной безопасности, абсолютно одинаковая в России и Беларуси. Слабое развитие транспортной инфраструктуры не дает углублять социальные контакты, препятствует развитию общей социальной и коммунальной инфраструктуры.

В рамках разработки механизмов инфраструктурного развития приграничных территорий необходимо провести значительный объем полевых работ, выявить зоны взаимного экономического тяготения, проанализировать межрегиональные взаимодействия и социально-экономические связи на уровне муниципальных образований. Данный опыт можно использовать при анализе приграничных территорий в разных регионах России.

Основные задачи, решаемые в рамках разработки национальных целей развития Российской Федерации в сфере «опережающее взаимодействие транспортной, коммунальной и социальной инфраструктур»:

- запуск синергетического эффекта приводит к тому, что затраты на поддержание социальной инфраструктуры приграничных районов как совместного проекта двух стран позволяет экономить до 20–25% общих сумм расходов. Эффект детально изучен для реализации программ развития социальной инфраструктуры на франко-германской, бельгийско-германской границах еще в 60–70-е годы прошлого века. В 90-е годы прошлого века опыт прошел перепроверку на германо-польской границе. В 1997–2008 гг. аналогичные эффекты были выявлены на российско-финской границе на северо-западе Ленинградской области;
- развитие трансграничных транспортных коммуникаций в социальной сфере. Проект «трансграничная автолавка», работающая по депрессивным районам в условиях ослабленной инфраструктуры транспортных коммуникаций;
- совместные фельдшерские пункты вблизи границы и организация транспортных подходов к ним;
- развитие трансграничных маршрутов общественного транспорта.

На сегодняшний день большинство приграничных районов представляют собой «барьер» вхождения России в мировую экономику, только в отличие от советской эпохи сдерживание приграничного сотрудничества осуществляется западными странами.

Перейдем к современной теории «центр-периферии» и ее экономическим практикам. Современные подходы к отношениям в системе «центр-периферия» являются значимой частью теории региональной экономики и имеют «родственные связи» с теорией полюсов роста (Growth Pole Theory), относящейся к теоретико-методологической базе мировой экономики. В контексте мировой экономики признается то, что периферийное положение в мир-экономике несовместимо с существованием сильного государства, на периферии не хватает ресурсов для поддержания относительно эффективной системы власти [1, с. 37]. «Периферия как зависимая территория, которая контролирует, в лучшем случае, только свои ресурсы и испытывает влияние случайностей даже на дальних рынках; она изолирована от всех других регионов, кроме центрального, и в меньшей степени содействует коммуникационному потоку внутри территории; обладает незначительным культурным потенциалом, который фрагментарен и ограничен и не преобладает на политически определенной территории. Во всех этих сферах периферия зависит

от одного или более центров...» [11, р. 5]. Это полностью отвечает ситуации на российско-белорусской границе.

Укажем на то, что контекст мировой экономики в данном случае дополняется контекстом региональной экономики. Соответственно и трактовка периферии может быть двойной. Государство — периферия, и его периферия внутри государства.

Как правило, абсолютным большинством экспертов выделяются три модели взаимоотношений «центр — периферия».

1. «Периферия отдает свои ресурсы (трудовые, инфраструктура, свободные земельные участки) центру и сильно зависима от центрo-периферийных связей.

2. Центр осознанно формирует позитивное воздействие на периферию.

3. «Закрытая» экономика периферийной территории, которая не предполагает взаимодействие с центром. Ресурсные потоки циркулируют либо только внутри данной экономической системы, либо в горизонтальных направлениях, т. е. между относительно равноправными по своему социально-экономическому положению территориями» [5, с. 299].

Однако в контексте особых отношений в рамках Союзного государства «свой» Центр перестал восприниматься регионами как единственный значимый элемент системы с точки зрения ее развития. Ресурсы влияния «Своего Центра» (Минск или Москва) в области региональной политики в условиях граничной открытости уже не уникальны. При этом региональные элиты резко активизируют собственную деятельность, направленную на овладение контролем над экономическими ресурсами и экономическими решениями на собственной, приграничной территории. Этому способствует недостаток ресурсов у Москвы и Минска для проведения целенаправленной региональной политики в условиях финансовых и политических сложностей. Можно ставить вопрос о «горизонтальной» консолидации и формулированию собственной концепции регионального развития, независимо или в дополнение к региональной и приграничной политике Центра(ов).

Мы исходим из того, что для экономистов позиционирование по оси центр — периферия понимается не в пространственно-географическом отношении, а в связи с близостью или удаленностью от средоточий разного рода ресурсов и взаимодействий. Иными словами, экономический фактор для нас, экономистов, детерминирует все остальные. Поскольку приближенность к центрам облегчает доступ к разного рода ресурсам и возможностям деятельности, она способствует экономическому развитию. Географическая оттесненность на периферию ограничивает доступ к ресурсам и возможностям. В том случае если это происходит на границе, — ситуация становится еще более очевидной, а экономические контрасты более масштабными. Современные экономические пространства имеют тенденцию к поляризации по линии «центр — периферия»; «при этом периферийные территории, как правило, в период кризиса деградируют наиболее быстро, сбрасывая налет индустриальной модернизации и становясь экономически более примитивными» [11, с. 5].

Как правило, центр контролирует основную массу взаимодействий между обладателями ресурсов по всей территории; он ближе, чем какое-либо другое место (site, location), находится к богатым ресурсами областям данной территории; он обладает возможностью занимать доминирующую позицию в потоке сообщений посредством стандартного языка и набора институтов систематического консультирования и представительства. Периферия же, напротив, зависима, контролируя в лучшем случае только свои собственные ресурсы, и более уязвима для флуктуаций в рынках, связывающих места, разделенные значительными расстояниями; она изолирована от всех регионов помимо центрального; не вносит значительного вклада в общий поток коммуникаций внутри данной территории; обладает культурой, которая не универсальна, не составляет самодостаточное целое, имеет зна-

чимость для ограниченного круга людей и не является полностью преобладающей на политически определенной территории. Во всех этих сферах периферия зависит от одного или более центров, и ее положение в отрыве от последних понять невозможно [8, с. 117].

Периферийность является одной из важных характеристик российского экономического пространства. Этот вопрос тесно связан с доступностью жизненных благ. Периферийным может быть и экономически развитый район, но удаленный от общественно значимого центра, ранг которого может меняться. Санкт-Петербург «географически» перифериен по отношению к Москве. Но Выборг (центр приграничного района), по социально-экономическим показателям перифериен по отношению к Санкт-Петербургу, и тем более иные социально-экономические условия предоставляет пограничный город Светогорск.

Отдельно отметим пример, когда «периферийность» как системная характеристика территории суммируется с приграничностью, накладывается на барьерную или контактную функцию границы. Пример подобного первого типа — Гдов или Красногородск в Псковской области. Отсутствие пунктов пропуска и возможности получать дополнительные ресурсы за счет фактора границы приводит к трансформации периферийности в депрессивность. Иная ситуация: Пыталово, Себеж, Печоры. В данном случае граница могла бы стать инструментом преодоления периферийности и депрессивности. Разумеется, подобные эффекты работают только в условиях взаимной проницаемости границ, модели сотрудничества, постепенно уходящей на западном направлении.

Таким образом, мы можем отметить системные приоритеты экономического развития для приграничных регионов.

Во-первых, это базовые приоритеты социально-экономического развития государственного масштаба, заложенные в соответствующих документах государственной власти по обе стороны границы.

Во-вторых, это приоритеты, обозначенные в российских и белорусских документах, посвященных внешней политике, практике регионального развития, межгосударственные договора или программы приграничного сотрудничества в случае их наличия.

В-третьих, это концепции, стратегии, программы социально-экономического развития субъекта федерации России и области Беларуси.

В-четвертых, это приоритеты развития собственно муниципальных образований по обе стороны границы.

Очевидно, что наличие четырех иерархических уровней приоритетов предполагает возможность конфликта между ними. Однако главная проблема не в том, что приоритеты противоречат друг другу, а в том, что механизмы учета этих приоритетов не существуют в четком законодательно оформленном виде и не подтверждены мониторингом социально-экономического развития, которого на муниципальном уровне практически нет. Как экономические, так и социальные приоритеты связаны с учетом фактора географического положения и фактора границы. Эти приоритеты можно разделить на две группы: развивающие и компенсационные. Развивающие ориентированы на использование контактной функции границы. Компенсационные предполагают действие барьерной функции границы.

Заключение

Подводя итоги, еще раз укажем на то, что существует эффект приграничного сотрудничества, заключающийся в кумулятивном эффекте при усиливающейся компоненте институционального взаимодействия. Это обусловлено возможностями расширения рынка и уменьшением трансакционных издержек при интер-

национализации компаний, что частично объясняет высокий уровень деловой и инвестиционной активности сопредельных стран в экономике приграничных регионов.

Теоретический потенциал региональной экономики позволяет систематизировать современные подходы к концепции «центр-периферии» для приграничных территорий и предложить следующую типологию пограничных/периферийных территорий:

- периферийные территории, где периферийность сочетается с приграничностью;
- экономические анклавов Центра на географической периферии — международные пункты пропуска, пограничные технопарки и зоны особого развития;
- приграничные территории, лишённые признаков периферийности.

Еще один важный момент, экстраполирующий вышеуказанные теоретические положения к практике российско-белорусского приграничного сотрудничества. Авторы исходят из того, что концепция «двойной периферии», которая уже озвучивалась в академическом сообществе, должна быть уточнена и развита в концепцию «тройной периферии». В этом случае, первая периферия связана с государственными границами. Напомним, то, что государственная граница между Россией и Беларусью есть, просто у этой границы иной режим. Особый режим функционирования государственной границы на протяжении практически всех 32 лет привел к тому, что в ряде случаев сложилась совместная инфраструктура де-факто, но не де-юре. В Усвяцком районе Псковской области из белорусских деревень проще дойти до российских магазинов, чем до своих торговых точек, более того, несколько раз граница между российскими населенными пунктами пересекает границу Республики Беларусь. Учтем также то, что это граница никогда в глазах местного населения государственным статусом не обладала.

Вторая периферия связана с границами областей, и, наконец, третья периферия, или третий ранг периферии, это границы муниципальных образований.

Указанные теоретические положения, безусловно, имеют универсальную географическую принадлежность в пределах территории Союзного государства, однако для внутренних, квазигосударственных границ России и Беларуси данные теоретические положения имеют более конкретную предметную привязку, которая будет рассмотрена в следующей статье. Проведенный анализ свидетельствует о том, что модель «центр — периферия» является идеальной для исследования вопросов совершенствования управления в приграничных районах российско-белорусского пограничья.

Литература

1. *Валлерстайн И.* Россия и капиталистический мир — экономика, 1500–2000 // Свободная мысль. 1996. № 5. С. 1–134.
2. *Гранберг А.* Региональная экономическая политика в стратегии реформ; Теоретические проблемы региональной политики и региональное реформирование. СПб., 1994. Кн. 1.
3. *Зубаревич Н. В.* Новая центр-периферийная конфигурация постсоветского пространства // Процессы интеграции на постсоветском пространстве: тенденции и противоречия. М. : ИМЭПИ РАН, 2001.
4. *Кравцов Д.* В нужное место в нужное время: к вопросу о природе границ [Электронный ресурс]. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/o-priode-granicz/> (дата обращения: 19.01.2023).
5. *Латушко Н. А.* Императивы регулирования пространственного развития в условиях сжатия российского экономического пространства // Управление экономическими системами. Электронный научный журнал. 2016. № 12. С. 49. EDN XUWQNP.
6. *Межевич Н. М.* Почему быть периферией не почетно, и почему России это не грозит // Управленческое консультирование. 2020. № 9 (141). С. 160–163.
7. *Площадь России* [Электронный ресурс]. URL: <https://rosinfostat.ru/ploshhad-rossii/> (дата обращения: 11.04.2023).
8. *Урвин Д.* Политика территориальной идентичности. Исследования по европейскому регионализму // Логос. 2003. № 6 (40). С. 117–132. EDN XHSNZD.

9. Удалов В. С., Колобов О. А. Система «центр — периферия» в современном политическом процессе // Вестник Нижегородского государственного университета им Н. Лобачевского. 2011. № 2. С. 297–301.
10. Castells M., Hall P. Technophiles of the World. London; New York, 1994.
11. Rokkan Stein, Urwin Derek W. Introduction: Centres and Peripheries in Western Europe // The Politics of territorial Identity. Studies in European Regionalism / ed. S. Rokkan, D.W. Urwin. 1982, SAGE publications, London, Beverly Hills, New Delhi.

Об авторах:

Межевич Алексей Николаевич, документовед отдела организации конкурсов и олимпиад обучающихся Санкт-Петербургского государственного экономического университета, аспирант Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого (Санкт-Петербург, Российская Федерация); ya@amezhevich.ru

Ситов Игорь Павлович, помощник ректора Санкт-Петербургского государственного экономического университета (Санкт-Петербург, Российская Федерация), аспирант Центра белорусских исследований Института Европы Российской академии наук (Москва, Российская Федерация); sitov.i@unecon.ru

References

1. Wallerstein I. Russia and the capitalist world — economy, 1500–2000 // Free thought [Svobodnaya mysl']. 1996. N 5. P. 1–134 (in Rus).
2. Granberg A. Regional economic policy in reform strategy; Theoretical problems of regional policy and regional reform. St. Petersburg, 1994. Book 1 (in Rus).
3. Zubarevich N.V. New center-peripheral configuration of the post-Soviet space // Integration processes in the post-Soviet space: trends and contradictions. M. : IMEPI RAS, 2001 (in Rus).
4. Kravtsov D. In the right place at the right time: to the question of the nature of borders [Electronic resource]. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/o-prirode-granicz/> (Accessed Date: 19.01.2023) (in Rus).
5. Latushko N. A. The imperatives of regulating spatial development in the context of the compression of the Russian economic space // Management of economic systems [Upravlenie ekonomicheskimi sistemami]. Electronic Scientific Journal. 2016. N 12. P. 49. EDN XUWQNP (in Rus).
6. Mezhevich N.M. Why it is not honorable to be a periphery, and why Russia is not threatened with this // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2020. N 9 (141). P. 160–163 (in Rus).
7. Area of Russia [Electronic resource]. URL: <https://rosinfostat.ru/ploshhad-rossii/> (Accessed Date: 11.04.2023) (in Rus).
8. Urwin Derek W. Politics of Territorial Identity. Studies on European regionalism // Logos. 2003. N 6. P. 117–132. EDN XHSNZD (in Rus).
9. Udalov V.S., Kolobov O.A. The system “center — periphery” in the modern political process // Bulletin of Nizhny Novgorod State University named after N. Lobachevsky [Vestnik Nizhegorodskogo gosudarstvennogo universiteta im N. Lobachevskogo]. 2011. N 2. P. 297–301 (in Rus).
10. Castells M., Hall P. Technophiles of the World. London; New York, 1994.
11. Rokkan Stein, Urwin Derek W. Introduction: Centres and Peripheries in Western Europe // The Politics of territorial Identity. Studies in European Regionalism / ed. S. Rokkan, D.W. Urwin. 1982, SAGE publications, London, Beverly Hills, New Delhi.

About the authors:

Alexey N. Mezhevich, Paperwork Manager of the Department of Organization of Competitions and Olympiads for Students of St. Petersburg State University of Economics, Postgraduate Student of St. Petersburg Polytechnic University of Peter the Great (St. Petersburg, Russian Federation); ya@amezhevich.ru

Igor P. Sytov, Assistant of the Rector of St. Petersburg State University of Economics (St. Petersburg, Russian Federation), Postgraduate student of the Center for Belarusian Studies of the Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation); sitov.i@unecon.ru